

«УТВЕРЖДАЮ»

проректор по научной работе и
инновациям

ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

М.В. Шарафан

2022 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

о диссертации Герасимова Александра Михайловича на тему:

«Теория уголовного правонарушения»,

**представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)**

Актуальность темы диссертации предопределена тем, что одной из основных задач уголовно-правовой науки выступает эволюционное развитие, а также разработка новых постулатов и теорий отечественной доктрины с учетом современных условий существования общества, подвергнутого творческому переосмыслению исторического опыта, выявленных и заслуживающих имплементации правотворческих и изыскательских достижений зарубежных государств. Сказанное надлежит транслировать и на учение о преступлении и его составе. Кроме того, значимость исследования А.М. Герасимова обусловлена продолжающейся многолетней дискуссией о включении в УК РФ уголовного проступка, которая не только ведется на доктринальном уровне, но и находит отражение в правотворческом процессе. То обстоятельство, что в законопроектах, инициированных Верховным Судом РФ, нет единства подходов к определению круга деяний, признаваемых уголовным проступком, а также правовых последствий его совершения, свидетельствует об отсутствии фундаментальной базы, на основе которой формируется концепция рассматриваемого правового феномена. Неслучайно основное замечание к последнему (2020 г.) законопроекту заключалось в том, что в нем уголовный проступок рассматривался не в качестве самостоятельного уголовно наказуе-

ный проступок рассматривался не в качестве самостоятельного уголовно наказуемого деяния, отличающегося от преступления степенью общественной опасности, а определялся на основании формальных признаков (категории преступления и совершения деяния впервые).

Представляется, что уголовно-правовая политика, как идущая в фарватере гуманизации в отношении не достигающих высокого уровня общественной опасности деяний, так и направленная на криминализацию деяний, не сопоставимых с новыми реалиями жизни российского общества и государства, должна исходить из ключевой идеи *преступного*. В этой связи необходимо отметить, что понимание сути уголовного правонарушения является неотъемлемым компонентом межотраслевой дифференциации на законодательном и правоприменительном уровнях. Подтверждением актуальности и практической востребованности данного тезиса служит, в том числе, неоднократное указание Конституционным Судом РФ в его решениях на то, что уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью юридических норм иной отраслевой принадлежности.

Цель исследования определена диссертантом как построение теоретической модели уголовного правонарушения в качестве родового понятия по отношению к преступлению (удержание от которого характеризует социальное предназначение отрасли уголовного законодательства) и уголовному проступку (приобретающему значение инструмента, «работающего» на обозначенное уголовно-правовое удержание) (с. 11).

Достижению заявленной цели способствует последовательное решение грамотно сформулированных *задач* (с. 12-13). Указанные задачи обстоятельно проработаны соискателем, что во многом предопределило успешное достижение заявленной цели диссертации.

Научная новизна оцениваемой работы проявилась в разработке теоретической модели уголовного правонарушения как родового понятия по отношению к преступлению и уголовному проступку. Она ориентирована на совершенствование

существующего механизма обеспечения социальной результативности уголовного законодательства по удержанию граждан от совершения преступления без необходимости реформирования фундаментальных начал уголовного права, образованных его предметом, методом, задачами и принципами. В связке двух разновидностей уголовного правонарушения отраслевое наполнение понятий преступления и уголовного проступка позиционируется как неравнозначное. Содержание преступления предстает в качестве общественно опасного посягательства, ради предотвращения которого сформирована и реализуется вся охранительная отрасль. Уголовному проступку отводится роль инструмента, «работающего» на удержание человека от совершения преступных деяний в рамках персонифицированных уголовно-правовых отношений предупредительного характера.

Достаточный *научный уровень* диссертации достигнут благодаря использованию автором оптимального научного аппарата исследования, правотворческой практики различных исторических эпох, в том числе уголовного законодательства 6 зарубежных стран. В основе работы лежит солидная теоретическая база, включающая научные труды по таким ключевым вопросам уголовного права, как криминализация, общественная опасность, преступление и его состав. Применение диссертантом общих и частных методов научного исследования обусловило аргументированность изложенных в нем выводов и обоснованность представленных на защиту положений.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты развивают учение об уголовном правонарушении. Оно вносит ясность в понимание единой природы преступления и уголовного проступка, уточняет их конструктивные признаки, механизм установления, социальные и правовые последствия совершения. Одновременно обогащается категориальный аппарат уголовного права, вводятся в научный оборот понятия уголовного правонарушения, его элементов, объективной и субъективной малозначительности и др. На уровне межотраслевого взаимодействия совокупность обосновываемых в работе идей придает системный вид методологии разграничения уголовного правонарушения и иных юридических деликтов. Содержащиеся в работе гипотезы и заключения стимули-

руют исследовательский интерес к дальнейшей разработке обозначенных проблем уголовного правонарушения и представленных проектов их решения.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что разработанные в ее рамках рекомендации ориентированы на совершенствование уголовного закона в духе наблюдаемых тенденций уголовно-правовой политики государства по оценке деяний, общественная опасность которых может быть поставлена под обоснованное сомнение. Внедрение в уголовно-правовую материю предлагаемых нововведений существенным образом повысит роль суда в оценке общественной опасности содеянного и индивидуализации ответственности. Значительную часть полученных результатов исследования целесообразно использовать в учебных материалах курса уголовного права и смежных дисциплин.

Достоверность и обоснованность сформулированных положений, выводов и рекомендаций подкреплены весьма солидной и разнообразной эмпирической базой, которая включает в себя правовые позиции Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительные акты Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, Шестого и Восьмого кассационных судов общей юрисдикции РФ, а также судов ряда регионов РФ; результаты проведенных диссертантом социологических опросов 107 представителей научного сообщества и 72 судей и работников аппарата суда.

Результаты исследования должным образом *апробированы* в 2 монографиях и 42 научных статьях, 19 из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки РФ.

Результаты работы представлены на научно-практических мероприятиях различных, в том числе международного и всероссийского, уровней. Подтверждением наукоёмкости и практикоориентированности исследования служат подготовка А.М. Герасимовым заключения на проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”», а также экстраполяция отдельных теоретических положений на проблему предупреждения

угроз безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов в рамках реализованного в 2019–2021 гг. проекта при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Диссертация выполнена в объеме, соответствующем требованиям ВАК при Минобрнауки РФ. Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Она состоит из введения, двух разделов, объединяющих четыре главы и тринадцать параграфов, заключения, списка используемых источников (399 наименований) и приложения. Диссертация и автореферат по структуре и содержанию соответствуют друг другу.

Раздел 1, озаглавленный как «Уголовное правонарушение: отраслевая природа и структурные элементы», состоит из двух глав. В первой из них – «Уголовное правонарушение и его отраслевая природа» – диссертант анализирует подходы к понятию уголовного правонарушения и предлагает модель механизма удержания от его совершения (§1, с. 32-60); формулирует отраслеобразующее значение общественной опасности (§2, с. 60-101) и ее соотношение с основанием уголовно-правового запрета (§3, с. 101-119); постулирует методологические основания разграничения уголовного и административного правонарушений (§4, с. 119-148). Вторая глава, именуемая «Элементы уголовного правонарушения», дает представление об авторском видении содержания и классификации последних (§1, с. 149-169), а также раскрывает сущность и параметры объекта уголовно-правовой охраны (§2, с. 169-196), специфику субъекта уголовного правонарушения (§3, с. 196-212) и модель состава последнего в целом (§4, с. 213-226).

Раздел 2 «Виды уголовных правонарушений» аккумулирует две главы, посвященные соответственно преступлению и уголовному проступку. В первой главе определяется социально-правовая природа базового уголовного правонарушения (§1, с. 227-243), намечаются перспективы оптимизации его понятия (§2, с. 244-269), приводится алгоритм установления его категорий (§3, с. 269-293). Во втором структурном элементе названного раздела А.М. Герасимов акцентирует внимание на правовой природе, механизме установления уголовного проступка (§1, с. 294-332) и его юридических последствиях (§2, с. 332-352).

В рецензируемом исследовании, бесспорно, носящем фундаментальный ха-

рактёр, автор предлагает целостную модель уголовного правонарушения, представляющую интерес с различных точек зрения. Прежде всего следует солидаризоваться с А.М. Герасимовым в том, что уголовный проступок и преступление методологически не могут рассматриваться как часть и целое (с. 44). Объединённые уголовно-правовой отраслевой принадлежностью, они подлежат дифференциации по материальному, а не только по формальному признаку. В этой связи важно подчеркнуть: не любое посягательство может быть признано уголовным проступком, что последовательно отстаивает, в том числе в положениях № 17 и № 18, выносимых на защиту, А.М. Герасимов.

Заслуживает поддержки тезис о том, что на уровне правоприменения постановка вопроса об оценке содеянного с позиции уголовного законодательства предполагает необходимость установления в учинённом действии (бездействии) общественной опасности (с. 66-67). Действительно, процесс квалификации преступления не ограничивается установлением признаков состава последнего: их наличие не свидетельствует о преступности деяния при выявлении различных предусмотренных УК РФ обстоятельств (ч. 2 ст. 14, ст. ст. 37-42, примечание к ст. 308 и др.).

Оправданным видится и повышенное внимание автора к фигуре потерпевшего. В процедуре признания деяния уголовным проступком, по его мнению, «огромную роль играет желание физического или юридического лица, подвергшегося вредоносному воздействию, пойти на компромисс. Принимая извинения и материальную компенсацию за причинённый вред, соответствующее лицо тем самым подтверждает частичное или полное восстановление прав и законных интересов, нарушенных уголовным правонарушением» (с. 211). Такой подход, как представляется, соответствует задачам уголовного законодательства, а его дозированная реализация (прежде всего в рамках освобождения от уголовной ответственности при совершении не достигающих высокого уровня общественной опасности деяний) не противоречит публичности уголовного права.

Положительно оценивая содержание диссертации А.М. Герасимова в целом, нельзя, тем не менее, не высказать в его адрес ряд замечаний и пожеланий. Несомненная ценность и многомерность избранной автором темы исследования, а также широкий круг подлежащих рассмотрению им вопросов создают предпосылки

для полемики по отдельным аспектам.

1. Полагаем, что ряд положений выглядят явно дискуссионными и потому нуждающимися в дополнительной аргументации.

1.1 Прежде всего необходимо обратить внимание на некоторые исходные начала диссертационного исследования, которые прослеживаются уже на уровне формулирования его цели. Автор отмечает, что удержание правоисполнителя от преступления есть социальное предназначение отрасли уголовного законодательства; уголовный проступок – суть инструмент, «работающий» на обозначенное уголовно-правовое удержание (с. 11). Как видится, охранительная составляющая уголовно-правовой отрасли поставлена на первое место в ч. 1 ст. 2 УК РФ неслучайно (в этой связи уместно вспомнить и исконный смысл принципа гуманизма, выражающийся в заботе о потерпевшем, а не в минимизации правоограничений в отношении субъекта преступления). Перенос фокуса внимания с человека, общества, государства на лицо, которое нужно удерживать от совершения общественно опасного деяния, может породить недопустимые мысли граждан, с одной стороны, о поощряемой инфантильности и вседозволенности преступника, с другой – о бессилии правоохранительной системы (наименование которой не соответствует потребностям социума?). Наконец, если охрана прав и свобод человека и гражданина etc. осуществляется перманентно, равно как и предупреждение преступлений, то удержание каждого от преступного поведения заведомо недостижимо.

1.2 Вряд ли можно поддержать соискателя, переносящего в предлагаемом определении уголовного правонарушения акцент с объективной сущности общественной опасности на установление таковой судом, что привносит неоправданный и достаточно опасный субъективизм в решение вопроса о ее наличии (с. 17). Общественная опасность, как известно, категория объективная, обладание ею тем или иным деянием не зависит ни от установления судом, ни даже от воли законодателя, лишь констатирующего ее наличие при осуществлении криминализации соответствующего поведенческого акта. Возможно, в дефиницию закралась редакционная погрешность, несколько искажающая авторское видение проблемы.

Развивая тему общественной опасности, следует обратить внимание на обладающее внутренним противоречием утверждение, содержащееся в первом по-

ложении, выносимом на защиту (с. 17). С одной стороны, автор пишет (и вполне справедливо), что «природа уголовного правонарушения предопределена общественной опасностью деяния. Она является единственной категорией, взяв за основу которую, возможно провести четкое разграничение уголовных и иных правонарушений». К последним отнесены преступление и уголовный проступок. С другой стороны, здесь же определено: «Уголовный проступок как второй вид уголовного правонарушения целесообразно не наделять свойством общественной опасности, а определять посредством ее исключения на уровне правоприменения». Возникает вопрос, каким образом при подобном подходе можно четко разграничить уголовный проступок как разновидность уголовного правонарушения и иные деликты, если он тоже не обладает общественной опасностью? Критерием «не установленной судом общественной опасности»? Вряд ли это конструктивно.

Специфический подход к пониманию и сущности общественной опасности среди прочего предопределяет и иные требующие дополнительного осмысления и обоснования выводы диссертанта. Так, возникает вопрос, если уголовный проступок суть деяние, вообще не обладающее общественной опасностью, то зачем вводить эту категорию в уголовный закон, перекраивая последний и усложняя его систему? Не достаточен ли при таком подходе потенциал ч. 2 ст. 14 УК РФ? Тем более что авторское понятие уголовного проступка – практически «слепок» с указанной нормы с незначительными уточнениями (с. 24). Более того, ныне при совершении малозначительного деяния лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности. В то же время, согласно видению автора, ратующего за либерализацию уголовного закона и гуманизацию последнего, совершение уголовного проступка влечет освобождение от уголовной ответственности. Как известно, это все-таки разные последствия.

Вызывает сомнение утверждение соискателя о том, что «юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление (*курсив наш – Авт.*), установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда» (с. 19). Во-первых, общественная опасность объективна, самодостаточна и абстрактна. И не она возникает в связи с совершением преступления, а последнее «рождается» из вывода о соответствующем

щем уровне общественной опасности того или иного деяния. Во-вторых, даже если принять авторский тезис, возникает вопрос, а что, до приговора суда преступление и общественная опасность не существуют?

Наконец, заметим, что на фоне утверждения о том, что «общественная опасность, хотя и относится к разряду оценочных уголовно-правовых категорий, свободна от влияния «субъективизма», допускающего произвольную и необоснованную интерпретацию содеянного» (с. 19), соискатель создает условия для практически беспредельного судебного усмотрения при решении вопроса об отнесении содеянного к разряду уголовного проступка, не устанавливая, по сути, никаких формальных (кроме категории преступления) для этого критериев.

1.3 Поддерживая стремление автора исследования заявленного уровня к разработке оригинальных, привносящих нечто новеллистическое в уголовно-правовую теорию идей, тем не менее, считаем несколько искусственной и вряд ли имеющей подлинное доктринально-прикладное значение осуществленную ревизию традиционного понятия состава преступления. В этой части стоит обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, вряд ли можно согласиться с утверждением, что «преступление» и «состав преступления» (даже представленный в авторском видении) находятся в соотношении целого и части. Полагаем, их корреляцию по-прежнему следует искать в плоскости взаимодействия иных философских категорий – содержания и формы. Но даже если исходить из тезиса соискателя о том, что преступление – это конгломерат объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, а состав ограничен лишь объективной и субъективной стороной, то и здесь указанное им соотношение сомнительно. Так, объективная сторона в рамках состава может быть шире, нежели в реально совершенном преступлении, в частности, если речь идет о преступлениях с альтернативными деяниями. Подобное можно увидеть и применительно к субъективной стороне.

Во-вторых, видится не вполне оправданным выведение за рамки состава преступления его объекта и субъекта. Неразрывное единство всех элементов, причем именно в рамках состава, а не только преступления, как пишет соискатель, казалось бы, сомнений не вызывает. Как может быть смоделирована, например,

субъективная сторона в отрыве от субъекта? Подобная позиция (двухэлементного состава преступления) уже высказывалась в теории отечественного уголовного права, однако полагаем, что достаточных доводов для безоговорочного признания таковой в рецензируемой диссертационной работе не представлено. В основе ее формирования в интерпретации А.М. Герасимова лежит отличное от традиционного представление о характере и степени общественной опасности. По его мнению, «состав преступления определяет параметры только одного из структурных компонентов общественной опасности. В данном случае речь идет о ее характере» (с. 156). Таким образом, объект без убедительного обоснования со стороны автора не признается признаком, предопределяющим характер общественной опасности.

Кроме того, подход соискателя к пониманию состава преступления и его соотношению с преступлением приводит к искусственному совмещению (наложению) юридической модели и конкретного явления объективной действительности. Представляется, что таком случае не учитывается различное функциональное предназначение состава преступления и его понятия в уголовном праве, что может привести к затруднению реализации тех функций, которые традиционно отводятся юридической модели преступления (его составу) и дефиниции преступления в уголовном праве.

Полагаем, что предложенная соискателем теория состава уголовного правонарушения нуждается в дополнительном более глубоком осмыслении и обосновании.

1.4 В положениях № 4, № 5 и № 15 (а) автор утверждает, что степень общественной опасности определяется, в том числе, данными о личности виновного (постулаты теории опасного состояния личности прослеживаются далее в положении № 6). Вместе с тем необходимо отметить, что характеристика личности учитывается при назначении наказания (абз. 2 и 5 п. 1 постановления № 58 Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»), однако а priori не определяет собственно деяние и степень его общественной опасности. Этот тезис подтверждается не только уголовным законом, но и актуальной правоприменительной практикой по делам о признании деяния малозначительным и об изменении категории пре-

ступления. Так, в контексте ч. 6 ст. 15 УК РФ данные о личности учитываются судами только с позиции обстоятельств, смягчающих наказание, но не фактических обстоятельств преступления. Разрешая вопрос об изменении категории преступления, суд согласно абз. 2 п. 2 постановления № 10 Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности.

1.5 Отдельного внимания заслуживает авторская дефиниция преступления как общественно опасного поведения лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащего признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления, установленного вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, и влекущего уголовную ответственность.

Во-первых, данное определение не привносит ясности в понимание основных и обязательных признаков преступления, что соответственно может сказаться на эффективности его применения, в связи с чем содержание приведенной дефиниции будет нуждаться в дополнительном толковании законодателем.

Во-вторых, не совсем понятно, почему такой существенный признак, как «виновное совершение деяния», не нашел отражение в данном определении.

В-третьих, отказ от понимания преступления как деяния и акцентирование внимания на множественности актов человеческой деятельности, проявляющейся в поведении лица, обуславливает необходимость законодательного уточнения возможности совершения преступления одним действием. В качестве одного из выделенных автором конструктивных признаков преступления значится «общественно опасное поведение, предполагающее *систему поступков учинителя вреда*

(курсив наш – Авт.), имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного» (с. 365). Таким образом, фактически (исходя из представленного определения) совершение преступления невозможно посредством одного действия. Подобная констатация не может не породить критического отклика.

Кроме того, компонентами преступного поведения, по мнению автора, следует признавать не только само деяние, формально содержащее признаки состава преступления (характер общественной опасности), а также иную деятельность лица, относящуюся к обстоятельствам совершения соответствующего деяния и характеризующую его личность (степень общественной опасности) (с. 365-366). Таким образом, к числу обязательных признаков преступления наряду с общественной опасностью, противоправностью и наказуемостью относится также и иная деятельность лица, его осуществившего, характеризующая поведение последнего до и после совершения преступления. Фактически, с точки зрения временных особенностей, таковая может проявляться вне рамок совершения преступления и быть не связанной с ним темпорально, характеризуя при этом в большей степени личность деятеля, нежели само деяние. Индивидуальные признаки личности крайне важны при решении вопроса об избрании способа уголовно-правового реагирования на факт проявления преступного поведения. Однако этот этап наступает после установления в действиях лица факта совершения преступления. Законодательное определение преступления должно быть максимально емким, лаконичным, функционально информативным.

В-четвертых, вряд ли стоит вносить в понятие преступления процессуальный аспект, оно как проявление сущего наличествует и вне рамок процессуальной формы.

1.6 Неоднозначно содержание положения № 6, выносимого на защиту. Даже с учетом того, что автор видит угрозу для материального порядка в человеке, а не в его деянии, сформулированная в положении № 4 общественная опасность (вред охраняемому уголовным законом объекту), как представляется, свидетельствует о том, что лицо опасно для общества уже с момента причинения вреда; после его осуждения этот факт лишь юридически подтверждается государством. Далее А.М. Герасимов утверждает: «... по логике уголовного закона, преступник высту-

пает потенциальным источником нового вреда объекту уголовно-правовой охраны в тот период, когда находится в статусе судимого». Но разве при погашении либо снятии судимости, а тем более в случаях освобождения от уголовной ответственности или от наказания лицо в перспективе не может причинить вред вновь? Совершение в период судимости преступления в соответствии с абз. 1 п. 1 постановления № 14 Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» указывает на *повышенную общественную опасность*. Однако она в целом не может исключаться при совершении преступления после аннулирования правовых последствий предшествующего преступного акта.

1.7 В контексте положения № 13.2 стоит отметить, что незначительный ущерб и заглаживание вреда снижают возможные негативные последствия деяния, но не исключают противоправность последнего. Соответствующий поведенческий акт, как представляется, в любом случае «нарушает уголовно-правовую обязанность». Подтверждение тому – освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием либо примирением с потерпевшим не влечет реабилитации.

1.8 Формулируя понятие субъекта преступления (с. 212), диссертант фактически основывается на известных признаках – физическая составляющая, вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности, дополняя их уточняющими формулировками, которые по своей смысловой нагрузке не привносят новых черт в портрет субъекта преступления, а лишь служат своеобразными «подвязками» к авторскому пониманию сути преступления, в связи с чем их присутствие само по себе видится недостаточно обоснованным. По большому счету такой подход продиктован необходимостью теоретического обоснования выстраиваемой автором научной позиции относительно возможности разграничения преступления и уголовного проступка.

Дискуссионным в данном случае выглядит и размывание четко определённых критериев субъекта преступления и наделения его характеристиками личности виновного – демографическими, нравственно-психологическими, особенно

стями поведения лица до, во время и после совершения преступления (с. 207-208), которые ему, исходя из его функционального предназначения, не присущи.

В рамках предложенной концепции применительно к пониманию признаков субъекта двух разновидностей уголовного правонарушения следует уточнить, что при разрешении вопросов об установлении состава преступления, квалификации совершенного правонарушения должен исходить из понимания минимально необходимого набора признаков, таких как физическая составляющая, вменяемость и возраст, поскольку названные признаки являются обязательными для понимания основания уголовной ответственности. В свою очередь при разрешении иных вопросов, в частности, установления вида совершенного правонарушения (преступление это или уголовный проступок), назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, суду следует учитывать личность виновного как более емкую и обширную категорию. В связи с этим представляется методологически неверным требовать от правоприменителя при разрешении вопроса о преступности/непреступности деяния учитывать не три обязательных признака, а множественные характеристики личности.

2. Диссертация А.М. Герасимова несвободна от незначительного количества упущений и недостатков редакционного и стилистического свойства, среди которых выделяются следующие:

2.1 Соискателем не исчерпаны все резервы для оптимизации структуры и плана диссертации. В частности, с точки зрения соотношения наименований главы 2 раздела 1 и образующих ее параграфов, наблюдается непоследовательность в двух аспектах. Во-первых, состав уголовного правонарушения как целое, включающее части (элементы), заслуживает обобщения на более высоком уровне – главы, а не параграфа; во-вторых, структурно не отражены все элементы уголовного правонарушения (автор в заголовке не указал на анализ лишь отдельных из них, хотя и аргументировал такой подход непосредственно в тексте работы).

2.2 А.М. Герасимовым отождествляются понятия объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления (с. 21), что вряд ли обосновано.

2.3 На с. 90 автор указывает на привилегированные (вместо «привилегирующие») признаки.

Однако высказанные замечания в своем большинстве характеризуют издержки поискового характера, чрезмерную увлеченность автора изучаемой темой, касаются дискуссионных или частных вопросов, а потому не колеблют достаточно высокую оценку проведенного исследования в целом. Диссертация А.М. Герасимова представляет собой самостоятельно выполненную монографическую работу, обладающую внутренним единством, новизной и свидетельствующую о личном вкладе автора в науку уголовного права.

Подводя итог, следует заключить, что диссертация А.М. Герасимова на тему «Теория уголовного правонарушения» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области уголовного права. Она соответствует требованиям, предусмотренным п. п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 26.09.2022 г.), а ее автор Герасимов Александр Михайлович заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Отзыв подготовлен профессором кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктором юридических наук, профессором Прохоровой Мариной Леонидовной, доцентом кафедры, кандидатом юридических наук, доцентом Полтавец Валерией Владимировной и доцентом кафедры, кандидатом юридических наук Батютиной Татьяной Юрьевной, обсужден и одобрен на заседании кафедры 8 ноября 2022 г. (протокол № 4).

Заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии Кубанского государственного
университета, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

« 8 » ноября 2022 г.

Владимир Павлович Коняхин

Контактная информация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, тел. + 7 (861) 219-95-02 e-mail: kup_kubgu@mail.ru.

Подпись профессора Коняхина Владимира Павловича заверяю:

Сведения о ведущей организации:

1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (юридический факультет)
2. Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
3. Почтовый адрес: 350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149;
телефон: +7(861) 219-95-30; факс: +7(861) 219-95-17
адрес электронной почты: rector@kubsu.ru
официальный сайт: <https://www.kubsu.ru/ru>
4. Основные публикации работников ведущей организации по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Прохорова М.Л., Лунарев Е.Б., Горенко М.Г.* Административная преюдиция в уголовном праве: pro et contra // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 12 (77). С. 40–46.

2. *Коняхин В.П., Князькина А.К.* Нормативные предписания международного уголовного права: понятие, виды, структура // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 4. С. 21–27.

3. *Коняхин В.П., Полтавец В.В.* Система мер уголовно-правового характера: концептуальные основы построения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 38–45.

4. *Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н.* Прогресс и преемственность в российском уголовном праве // Уголовное право. 2021. № 9 (133). С. 63–73.

5. *Князькина А.К.* Международный договор как основа УК РФ // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня 2021 г.) / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 384–394.

6. *Прохоров Л.А., Жарких Е.А.* Изменение судом категории преступления и его влияние на установление вида рецидива: правовая обоснованность и практическая целесообразность [Текст] // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня

2021 г.) / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 370–374.

7. *Трахов А.И.* Динамизм и стабильность УК РФ 1996 г.: соотношение, перспективы сближения и влияние на правоприменительную практику // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня 2021 г.) / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 430–438.

8. *Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н.* Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития // Российский следователь. 2022. № 5. С. 4–7.

9. *Асланян Р.Г.* Понятие и содержание нормативного предписания Особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 82–90.

10. *Коняхин В.П., Князькина А.К.* Специальные принципы международного и российского уголовного права: единство и особенности // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: матер. XIII Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2022 г.). М.: Юрлитинформ, 2022. С. 108–113.

В диссертационный совет 24.2.390.03,
созданный на базе ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»
(410056, Саратов, ул. Чернышевского, 104)

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию
Герасимова Александра Михайловича «Теория
уголовного правонарушения», представленную на
соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(Саратов, 2022. – 428 с.)**

Актуальность темы исследования. В настоящее время – период перманентного обновления уголовного закона и «бума» узкопроблемных научных исследований – ощущается потребность в комплексном изучении фундаментальных категорий, имеющих системообразующее значение для уголовного права и практики его применения в целом. К числу последних принадлежит, бесспорно, и понятие уголовного правонарушения. Выработка ясного представления об этом феномене, его сущности и специфических чертах, а также перспективах развития остро необходима для совершенствования правоприменительной деятельности. Без этого вряд ли возможно на практическом уровне обеспечить стабильность, системность и научную обоснованность проводимой в стране уголовно-правовой политики. К тому же в доктрине не наблюдается единодушия по многим узловым вопросам данной темы: о понятии и сущностных признаках уголовного правонарушения, его природе, соотношении с преступлением, целесообразности введения категории уголовного проступка и т.д.

Преимущественным образом сложившееся положение вещей обусловлено тем, что среди представителей науки уголовного права не наблюдается единодушия по многим узловым вопросам учения о преступлении: общественной опасности, составе преступления, уголовной ответственности; об их понятиях, взаимосвязи и взаимообусловленности, механизме соотношения. Как известно, немало проблем возникает и в практике применения норм, на основании которых дается оценка деяниям, предусмотренным отраслью уголовного законодательства. В связи с этим весьма уместным и давно назревшим представляется исследование деяний уголовно-правовой природы на уровне понятия, имеющего по отношению к ним родовое значение. Рецензируемая работа ориентирована на достижение именно этого исследовательского результата.

Мы в полной мере солидарны с авторской оценкой *степени разработанности* темы: с одной стороны, ей посвящено немало работ, но, с другой стороны, «своего разрешения ожидают фундаментальные вопросы, касающиеся понятия уголовного правонарушения, его природы, конструктивных элементов, последствий совершения, соотношения с иными правовыми деликтами» и до сих пор «отечественная уголовно-правовая доктрина не располагает результатами монографических исследований, специально ориентированных на обоснование и развитие обозначенной теории» (с. 11).

А.М. Герасимовым была поставлена *амбициозная цель* – «построение теоретической модели уголовного правонарушения в качестве родового понятия по отношению к преступлению (удержание от которого правоисполнителя характеризует социальное предназначение отрасли уголовного законодательства) и уголовному проступку (приобретающему значение инструмента, «работающего» на обозначенное уголовно-правовое удержание)» (с. 11). На пути к достижению данной цели автором решался ряд *задач*: сформулировать дефиницию уголовного правонарушения и обосновать механизм удержания правоисполнителя от его совершения; дифференцировать значение преступления и уголовного проступка на уровне их родового понятия; определить понятие общественной опасности и показать ее природообразующее значение для деяний, предусмотренных отраслью уголовного права; установить методологические основания разграничения уголовного и административного правонарушений; обосновать конструктивные элементы уголовного правонарушения; оптимизировать понятие преступления в духе развиваемой теории уголовного правонарушения; смоделировать понятие уголовного проступка и обосновать его материальную и формальную составляющие; и др. (с. 7). После внимательного прочтения научного труда соискателя у нас нет сомнений в том, что указанная цель им достигнута, а поставленные задачи успешно решены.

В достаточной степени разработаны автором *теоретическая, методологическая, нормативная и эмпирическая основы исследования*. В частности, при подготовке диссертации, помимо всего богатства методов научного познания, использованы: результаты обобщения и анализа внушительного количества постановлений и определений Конституционного Суда РФ, актуальных позиций Пленума Верховного Суда РФ, конкретных судебных решений по проблемам установления общественной опасности деяния, признаков малозначительности содеянного, освобождения от уголовной ответственности и реабилитации лиц. Отдельного внимания заслуживают результаты проведенных диссертантом в 2021–2022 гг. социологических опросов. По вопросам уголовного правонарушения и уголовного проступка им было проведено электронное анкетирование 107 ученых, представляющих различные отрасли знаний, а также 72 судей и работников аппарата суда (с. 15–16). Этим же,

среди прочего, в значительной степени гарантирована *достоверность результатов исследования и его надлежащий научный уровень*.

Диссертации присуща также несомненная научная новизна. Она характеризуется рядом аспектов. Во-первых, автор обосновывает понятие уголовного правонарушения в духе природы уголовного права. Оно не противоречит предмету, методу и задачам названной отрасли, которые изначально ориентируют нормы уголовного закона на противодействие преступлениям, рассматриваемым в качестве общественно опасных посягательств. Именно общественная опасность положена в основу разграничения двух видов уголовного правонарушения. При этом общественно опасным деянием позиционируется исключительно преступление, тогда как уголовный проступок не наделяется свойствами общественной опасности, а определяется посредством ее исключения на уровне правоприменения. Его признаки становятся производными от соответствующих признаков преступного посягательства. По логике А.М. Герасимова, «уголовному проступку целесообразно отвести роль одного из инструментов, «"работающих" на удержание правоисполнителя от совершения преступления» (с. 18, 53, 213).

Представленная позиция ранее не освещалась в уголовно-правовой теории. Стоит учитывать и то обстоятельство, что в уголовно-правовой науке в принципе чрезвычайно мало исследований, объектом которых становился феномен уголовного правонарушения как таковой.

Во-вторых, представленная в диссертации идея выстраивается на авторском понимании уголовного проступка как инструмента противодействия преступлению. Оригинальность данного подхода заключается в том, что преимущественное большинство исследователей рассматривают уголовный проступок в качестве возможной альтернативы ряда преступлений небольшой тяжести. Аналогичной точки зрения придерживается Пленум Верховного Суда РФ. Однако А.М. Герасимов небезосновательно полагает, что «постановка в один ряд с преступлением уголовного проступка предопределяет радикальное реформирование предмета, метода, задач и принципов уголовного права как его отраслевой основы, фундаментальное учение о которой складывалось на базе многолетней практики признания и оценки деяний в качестве общественно опасных... На основе предлагаемого сценария модернизации уголовного права будет утрачена имеющаяся и образована принципиально новая охранительная отрасль, направленная на удержание правоисполнителя от двух разновидностей уголовного правонарушения, материальная грань между которыми вероятнее всего нивелируется» (с. 213). Несмотря на дискуссионность сформулированных тезисов, логика в суждениях А.М. Герасимова, несомненно, присутствует.

Теоретическая и практическая значимость исследования тоже очевидна и выражается, прежде всего, в том, что работа вносит существенную лепту в доктрину уголовного права. Она развивает уголовно-правовую теорию

уголовного правонарушения, вызывает потребность дальнейшего его научного осмысления. Авторская позиция по целому ряду аспектов стимулирует законодателя переосмыслить некоторые признаки и юридические последствия преступления и уголовного проступка. Что особенно важно, предлагаемые А.М. Герасимовым нововведения не требуют кардинального реформирования отрасли уголовного законодательства и обеспечивают ее целостность и исходное социальное предназначение.

Представленный труд прошел *надлежащую апробацию* на различного рода научно-практических мероприятиях; в заключении на проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”»; проекте «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения», реализованном в 2019–2021 гг. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ); изданных диссертантом монографиях. По теме диссертационного исследования опубликовано более 40 статей, из них 19 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; 2 – в научных изданиях, индексируемых в международной базе данных Scopus.

Содержание диссертации А.М. Герасимова производит весьма положительное впечатление.

В *первой главе первого раздела работы (с. 32-148)* рассмотрены понятие уголовного правонарушения и механизм удержания правоисполнителя от его совершения, общественная опасность и ее отражение в природе деяний, предусмотренных отраслью уголовного права, основание уголовно-правового запрета и его соотношение с общественной опасностью деяния, методологические основания разграничения уголовного и административного правонарушений. Здесь формулируется дефиниция уголовного правонарушения, которая выносится на защиту. Под уголовным правонарушением автор предлагает понимать «совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголовный проступок)» (с. 17, 56, 58). При этом А.М. Герасимов исходит из авторского толкования категории общественной опасности, которое также пополнило перечень положений, вынесенных им на защиту. Под общественной опасностью им понимается «вред охраняемому

уголовным законом объекту, угрожающий сложившемуся в обществе материальному порядку, характер которого определен законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей признаки конкретного преступного деяния, а его степень установлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица» (с. 18, 96, 99–100).

Представленные идеи нам импонируют, поскольку мы в свое время также аргументировали и выносили на обсуждение научной общественности близкий по смыслу тезис о том, что общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение признака уголовной противоправности. Общественная опасность поведения субъекта не сводится к причиненному или возможному вреду, а определяется набором присущих этому поведению признаков, включая характер самого деяния, форму и вид вины, мотив и цель, признаки субъекта и др.

Во второй главе первого раздела работы (с. 149–226), рассуждая об элементах уголовного правонарушения, автор приходит к заключению, что они «представляют собой структурные компоненты, свойственные преступлению и уголовному проступку. К ним относятся объект, субъект и состав уголовного правонарушения» (с. 21, 163, 168). Суть такого подхода состоит в том, что «состав преступного деяния ограничивается объективной и субъективной стороной соответствующего посягательства, оставляя за своими рамками объект и субъект преступления. В уголовном праве органическая взаимосвязь и взаимообусловленность категорий объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны соответствующего деяния выражается на уровне преступления, а не состава преступления» (с. 20, 168). В последующем А.М. Герасимов резюмирует, что состав преступления как типовая модель преступного деяния имеет следующее уголовно-правовое значение: а) отражает характер общественной опасности деяния; б) определяет границы конкретной уголовно-правовой обязанности правоисполнителя; в) является юридическим фактом, на основе которого ставится вопрос о наличии в совершенном деянии признаков преступления или уголовного проступка (с. 223, 226).

Представленная позиция представляет значительный теоретический интерес и коррелируется по ряду деталей с наработками в области конструирования состава преступления. Под последним понимается процесс реализации идеи запрета общественно опасного поведения, формируемой на основе правотворческих факторов путем разработки и закрепления в уголовном законодательстве определенной комбинации признаков данного поведения и определения их содержания. Построение состава преступления начинается после принятия решения о необходимости криминализации и состоит в проработке его содержания посредством внутренней подсистемы техники (обеспечении полноты и непротиворечивости состава, согласовании признаков основного и

квалифицированного состава, выработке его оптимальной законодательной конструкции).

В *главе первой второго раздела диссертации* (с. 227-293) тщательно проанализированы социально-правовая природа преступления и ее отражение в содержании уголовного законодательства, понятие преступления и теоретическая модель его оптимизации, категории преступлений и их установление. На базе данной структурной составляющей работы А.М. Герасимов формулирует и обосновывает понятие, имеющее фундаментальное значение для отрасли уголовного законодательства – понятие преступления. В качестве данной разновидности уголовного правонарушения предлагается понимать «общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность» (с. 268). Данная дефиниция выносится на защиту, в том числе в качестве проекта ст. 14 УК РФ (с. 22, 26).

Официально закрепленное понятие преступления автора «не устраивает» по ряду обстоятельств. Во-первых, «отождествление преступления с конкретным деянием противоречит алгоритму установления преступного посягательства, предполагающего оценку судом не только совершенного действия или акта бездействия, но и иных обстоятельств содеянного, последующих поступков правоисполнителя и его личности» (с. 250). Во-вторых, в содержание ч. 1 ст. 14 УК РФ включены «выборочные» признаки состава преступления – деяние и виновность. «Совершенно очевидно, – отмечает диссертант, – что они заимствованы из двух структурных элементов состава преступления. При этом использование категорий деяния и вины в качестве самостоятельных признаков преступления не привносит в их содержание ничего нового. Они остаются формально-типовыми признаками всех без исключения составов, закрепленных Особенной частью уголовного закона» (с. 259–260).

Обосновывая критерии категоризации преступлений, автор настаивает на том, что «единственным формальным критерием категоризации преступлений логично признать срок наказания в виде лишения свободы. Форма вины не вправе претендовать на роль второго критерия категоризации преступлений, поскольку уголовно-правовая санкция учитывает все криминообразующие признаки состава преступления, включая умысел и неосторожность» (с. 293). А.М. Герасимов прав, на наш взгляд, в том, что форма вины и так выступает показателем характера общественной опасности преступления. Использование таковой в качестве критерия категоризации преступлений является повторной оценкой одного и того же признака состава преступления (с. 279).

Добротной также получилась *вторая глава второго раздела диссертации* (с. 294-352). В ней диссертантом всесторонне рассмотрены вопросы понятия

уголовного проступка, механизма его установления и юридических последствий совершения. А.М. Герасимов подробно аргументирует вывод о том, что «уголовным проступком признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. По своей природе уголовный проступок обусловлен пониманием общественной опасности деяния, но не отражает ее сущностные характеристики; материальное начало уголовного проступка вытекает из содержания малозначительности, устанавливаемого методом исключения в содеянном общественной опасности; уголовный проступок не является разновидностью преступления, а представляет собой самостоятельное уголовное правонарушение» (с. 330–331). Соответствующее положение им выносится на защиту (с. 24, 26).

Таким образом, уголовный проступок позиционируется автором в качестве деяния, материальная сторона которого характеризуется посредством категории малозначительности. Его уголовно-правовая природа в диссертации объясняется тем, что «по своему социально-правовому назначению отрасль уголовного законодательства дает оценку только таким действиям и актам бездействия, которые требуют установления наличия или отсутствия в них признаков общественной опасности. Деяния, не отвечающие данному критерию, уголовное законодательство и практику его применения интересоваться не должны» (с. 316). При этом диссертант дает развернутое толкование категории малозначительности.

Представляется продуктивным введение автором в уголовно-правовой оборот понятий «объективная малозначительность» и «субъективная малозначительность». «Под объективной малозначительностью подразумеваются известные практике эпизоды, предопределяющие реализацию ч. 2 ст. 14 УК РФ. Обозначенный вид малозначительности отличает то, что исключение в квалифицируемом деянии степени общественной опасности главным образом связывается не с поведением учинителя вреда ... Ключевое свойство субъективной малозначительности связывается с утратой лицом своей общественной опасности вследствие позитивного поведения, мотивированного желанием загладить учиненный вред до момента вынесения судом решения по делу» (с. 314, 319).

Учитывая, что представленное понимание уголовного проступка основывается на категории малозначительности, диссертант настаивает на том, что «единственным справедливым последствием уголовного проступка следует признать освобождение лица от уголовной ответственности, сопровождаемое обязанностью суда разъяснить ему социально-правовое значение совершенного деяния» (с. 25, 352).

Подытоживает работу весьма информативное и в то же время емкое заключение, в котором аккумулированы основные выводы и предложения автора (с. 353–372).

Следует подчеркнуть, что автореферат диссертации отвечает предъявляемым требованиям и адекватно отражает содержание диссертации. В опубликованных А.М. Герасимовым работах нашли достаточно полное отражение полученные в ходе научного исследования результаты, в том числе в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Несомненным достоинством работы является ее изложение юридически грамотным и доступным языком.

Положительно оценивая подготовленный А.М. Герасимовым труд, представляется необходимым, вместе с тем, обратить внимание на ряд дискуссионных его положений.

1. Весьма уязвимой представляется генеральная идея диссертанта об отнесении к разряду уголовных правонарушений малозначительных деяний, формально содержащих признаки состава преступления, с освобождением, а не исключением (как сейчас) ответственности за такие деяния. А.М. Герасимовым не приведено убедительных доводов в пользу того, что по всех случаях совершения малозначительных деяний субъект должен лишаться права на реабилитацию, поскольку освобождение от ответственности будет означать прекращение уголовного дела (преследования) по нереабилитирующему основанию. Вместе с тем, норма о малозначительности задумана как универсальный инструмент, позволяющий в самых разнообразных жизненных ситуациях преодолеть формализм уголовного права. Порой малозначительное деяние *вредно, но не достигает общественной опасности*, и оно, пожалуй, заслуживает порицания. Но порой оно даже *не вредно*, поскольку то, что сегодня опасно, завтра ввиду новых реалий (политических, экономических, социальных и т.д.) может перестать быть таковым и законодатель объективно может не успеть за такого рода изменениями. В последнем случае поведение человека не заслуживает порицания со стороны государства и с точки зрения существа и логики не имеет права именоваться проступком, да еще и уголовным.

Еще более странной выглядит критикуемая идея диссертанта на фоне его же редакций статей об освобождении от ответственности. Например, в проекте ст. 74.1 УК РФ говорится о том, что «лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, *может быть* освобождено от уголовной ответственности...». Получается, что суд, по задумке автора, не обязан во всех случаях прекращать преследование такого лица, и некоторые субъекты малозначительных деяний (как уже отмечалось,

порой не заслуживающие даже порицания) будут подлежать уголовной ответственности, что противоречит не только целям последней, но и здравому смыслу.

2. Оставляя в стороне отмеченную концептуальную небесспорность авторской модели уголовных правонарушений, следует заострить внимание на ее принципиальных изъянах частного характера. Так, автор допускает возможность признания малозначительным деянием, а, значит, и уголовным проступком, лишь деяния, относящегося к категории небольшой или средней тяжести. Объясняется это тем, что тяжким и особо тяжким преступлениям всегда свойственен характер общественной опасности, «который при любом правовом сценарии доминирует над ее степенью. Снижение степени общественной опасности преступлений указанных категорий не может стать основанием для исключения на правоприменительном уровне их общественной опасности в целом» (с. 222).

Вместе с тем, автором упускается из вида, что в ч. 2 ст. 14 УК РФ не закреплено никаких ограничений в применении нормы о малозначительности. Не указано на зависимость ни от категории преступления, ни от вида состава преступления (основной или квалифицированный; и т.д.), ни от других факторов. Подтверждено это и на уровне следственной-судебной практики, в том числе закрепленной на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Например, в п. 25.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» говорится о возможности оценки как малозначительных квалифицированных хищений (ч. 2-4 ст. 158 УК и т.д.), т.е. и тяжких преступлений. Понятно, что при прочих равных условиях, норма о малозначительности объективно должна применяться тем реже, чем более высокой является категория преступления. Но тем не менее само по себе формальное отнесение содеянного к той или иной категории еще не дает основания для вывода об общественной опасности содеянного. Например, к хранению одного патрона в квартире могут быть причастны несколько членов семьи, что формально образует состав тяжкого преступления по п. «а» ч. 3 ст. 222 УК, но, разумеется, и в этой ситуации возможна оценка деяния как малозначительного (с учетом их мотивов и целей и т.д.).

Поэтому малозначительным может быть признано едва ли не каждое деяние, указанное в Особенной части УК РФ, за исключением лишь того, при обрисовке которого указан (прямо или косвенно) признак общественной опасности (как, например, в ч. 1 ст. 205 УК – создание терактом опасности наступления тяжких последствий). В остальных случаях оценка содеянного как малозначительного вполне допустима. Даже при совершении квалифицированного убийства, как представляется, мыслима постановка о применении ч. 2 ст. 14 УК. Это должен быть, разумеется, весьма эксклюзивный случай лишения жизни, при чем не подпадающий под действие норм гл. 8 УК (о необходимой обороне и т.д.). Например, прекращение жизни близкого человека,

мучительно умирающего и испытывающего невыносимые страдания (формально подпадающее под п. «в» ч. 2 ст. 105 УК), при исключительных обстоятельствах может быть расценено как малозначительное, но опять-таки с учетом всего массива фактических обстоятельств такой «эвтаназии» (волеизъявление умирающего, степень его мучений и страданий, возможность их медицинской нейтрализации и пр., и пр.).

3. Трудно согласиться также с утверждением о том, что «состав преступления представляет собой *юридический факт*, имеющий значение основания для постановки вопроса о наличии в совершенном деянии признаков преступления или уголовного проступка» (с. 225). Юридическим фактом с очевидностью, как представляется, является преступление, а не его состав. Не случайно сам автор резонно отмечает, что «состав преступления предполагает закрепленную в уголовном законе типовую модель криминообразующих признаков, отражающую характер общественной опасности содеянного» (с. 20). Очевидно, что при рассмотрении состава преступления как законодательной модели, с чем мы полностью солидарны, исключается его принадлежность к юридическим фактам.

4. Отдавая должное усилиям автора по систематизации хорошо известных доводов против административной преюдиции (с. 136-140), думается, что эти доводы не опровергают главного – того факта, что административной преюдиции присуща общественная опасность как основание криминализации. При административной преюдиции возрастает общественная опасность личности субъекта, а, следовательно, в целом возрастает общественная опасность такого поведения. Представляется, что общественная опасность определяется не только объективными признаками содеянного (хотя они и определяющие в этом плане), но и субъективными. Например, умышленное причинение смерти (убийство) на несколько порядков опаснее неосторожного, хотя последствия в виде смерти человека идентичные. В равной мере и устойчивый стереотип противоправного поведения нарушителя в той или иной сфере, определенной с учетом данных криминологии (охрана личности и собственности, дорожное движение и т.д.), свидетельствует о существенном возрастании опасности личности субъекта, а, значит, и его поведения в целом и может служить основанием криминализации.

Более того, данный правовой инструмент выступает в качестве гибкого средства «мягкой» криминализации общественно опасных деяний, в то же время позволяя законодателю декриминализировать деяния, не представляющие общественной опасности.

5. Общим недостатком диссертации нам видится также, пусть и несколько оправдываемый ее заголовком («теория...»), излишне умозрительный характер большинства выводов и рассуждений автора. К сожалению, предложений *de lege ferenda* и тем более *de lege lata* автором сформулировано недостаточно много для уровня докторской диссертации. Возможно, это объясняется бедной

эмпирической базой исследования в части использования материалов судебной практики (даже в описании эмпирической базы не указано число изученных судебных актов, в работе же их использованы единицы; как тут не вспомнить патриарха уголовного права Н.С. Таганцева, девизом которого было «a vita ad vitam» – «из жизни для жизни»).

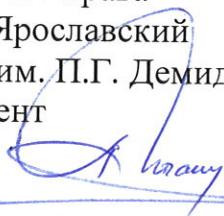
Однако, несмотря на сделанные замечания (к тому же небесспорные), констатируем: *А.М. Герасимовым выполнена законченная творческая самостоятельная научно-квалификационная работа, содержащая теоретические положения и практические рекомендации, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области уголовного права. Представленная диссертация написана соискателем ученой степени самостоятельно, обладает внутренним единством и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Предложенные в работе решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Возможные упущения, на которые мы обратили внимание в настоящем отзыве, обусловлены, как представляется, масштабностью творческого замысла автора и многомерностью проблематики уголовного правонарушения.*

Таким образом, данная диссертация соответствует критериям, которым должна отвечать докторская диссертация в силу абз. 1 п. 9 и п. 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 26.09.2022). Поэтому ее автор **Герасимов Александр Михайлович** заслуживает присуждения ему ученой степени **доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.**

«05» декабря 2022 г.

Официальный оппонент

врио ректора, декан юридического факультета,
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный университет им. П.Г. Демидова»,
доктор юридических наук, доцент

Иванчин Артем Владимирович

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
тел.: 8 (4852) 30-85-21; 8 (910) 664-13-13
e-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Сведения об официальном оппоненте:

1. Иванчин Артем Владимирович
2. Доктор юридических наук (юридические науки, 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)
3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», временно исполняющий обязанности ректора, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет:

1. *Иванчин А.В.* Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // *Российский следователь*. 2022. № 5. С. 64–66.

2. *Иванчин А.В.* Новейшие уголовно-правовые исследования в области юридической техники: опыт критического анализа // *Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники)*. 2022. № 11. С. 14–27.

3. *Иванчин А.В.* Нормативная модель основания уголовной ответственности и идеи социологической школы уголовного права на рубеже эпох (1926–2021 гг.) // *Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)* (28-29 июня 2021 г.) / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2021. С. 102–111.

4. *Иванчин А.В.* Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики // *Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 15, № 3 (57). С. 370–377.

5. *Иванчин А.В.* О сущности состава преступления (в связи с учением А.И. Марцева и новейшими исследованиями Омских ученых) // *Актуальные проблемы учения о преступлении: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева* (28 февраля 2020 г.). Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2020. С. 219–224.

6. *Иванчин А.В.* О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) // *Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества*. 2019. № 18 (18). С. 36–43.

7. *Иванчин А.В.* О важности соблюдения конституционных требований в процессе построения составов преступлений // *Оптимизация правовой*

основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции РФ: сб. науч. трудов по итогам всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (12-13 декабря 2018 г.). В 2 ч. / под ред. Л. В. Лобановой, С. М. Мкртчян. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2018. С. 87–92.

8. *Иванчин А.В.* Альтернативные, интегрированные и иные сложные составы преступлений (проблемы трактовки) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2017. № 7. С. 29–38.

9. *Иванчин А.В., Зосиева М.В.* Проблемы конструирования специальных составов преступлений // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 133–137.

10. *Иванчин А.В., Кулева Л.О.* К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1 (39). С. 45–49.

В Диссертационный совет 24.2.390.03,
созданный на базе ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая
академия», по адресу:
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, зал
заседаний диссертационных советов

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации Герасимова Александра
Михайловича на тему «Теория уголовного правонарушения», представленной
на соискание учёной степени доктора юридических наук по специальности

5.1.4. Уголовно-правовые науки

(Саратов, 2022)

Актуальность и значимость поднятой в диссертации проблемы трудно переоценить. Спорадическое реформирование отечественного законодательства не могло не привести к заметному искажению причинно-следственных связей между правовыми явлениями и процессами и нарушению баланса между практикой и обеспечивающей ее теорией. К сожалению, современная юридическая наука вынуждена «подстраиваться» под уже существующие юридические предписания и конъюнктуру и искать обоснование введенным поправкам если не для системного толкования закона, то хотя бы для исключения очевидных пробелов в его применении. К сожалению, этот процесс чаще напоминает оперативное забивание бреши, а не глубокое и последовательное объяснение происходящих процессов. И в этом не вина науки. В последние годы правотворческая деятельность все больше отдаляется от общей теории права, моделирует новые юридические категории и вынуждает дополнять теорию не всегда согласуемыми друг с другом сентенциями. Как итог, нормотворчество «от случая к случаю» вызывает к жизни и спорадическое толкование. На фоне тревожного непостоянства и мозаичности науки ярко выделяются исследования, стремящиеся объяснить правовые

явления сквозь призму системного единства составляющих их элементов. К числу таких редких работ, вне сомнения, относится диссертация Герасимова Александра Михайловича «Теория уголовного правонарушения».

Автор намеренно отвлекается от привычного - формально-логического – описания проблемы. Он предпринимает очень удачную попытку выявить устойчивые закономерности, внутренние и внешние системные связи уголовного правонарушения. Это придает работе качества убедительности, обоснованности и внутренней согласованности.

Заявляя целью исследования построение теоретической модели уголовного правонарушения в качестве родового понятия по отношению к преступлению (удержание от которого правоисполнитель характеризует социальное предназначение отрасли уголовного законодательства) и уголовному проступку (приобретающему значение инструмента, «работающего» на обозначенное уголовно-правовое удержание) (С. 11), соискатель уверенно раскрывает эту цель через решение важных теоретических задач. Он выносит на обсуждение экспертного сообщества ряд интересных предложений и выводов, которые не только объясняют происходящие в нормотворчестве изменения, но и позволяют в некоторой степени моделировать их через создание своеобразной теоретико-методологической матрицы уголовного правонарушения.

Полагаю, не будет преувеличением сказать, что рецензируемое диссертационное исследование является первой в своем роде работой, где предложено качественно проработанное обоснование уголовного правонарушения как важного системообразующего института.

И хотя не все предложения автора можно поддержать и принять на веру, тем не менее нельзя не признать, что выводы диссертации согласованы, выверены и теоретически ценны.

Соискатель с присущей ему основательностью обращается к анализу тех уголовно-правовых категорий, которые, казалось бы, никогда не будут переосмыслены в силу своей фундаментальности: общественная опасность, состав преступления, правонарушение и др. Его научная смелость выразилась в

том, что он в известной степени пренебрег сакральностью этих правовых институтов и предложил небесспорные, но чрезвычайно интересные научные выкладки, касающиеся совершенствования существующего механизма обеспечения социальной результативности уголовного законодательства по удержанию правоисполнителя от совершения преступления.

Восточная мудрость гласит: «Чтобы выпрямить, надо перегнуть; не перегнёшь — не выпрямишь». Автор успешно пользуется этим правилом и предлагает качественно новое объяснение происходящих в современном праве процессов. В диссертации А.М. Герасимова мы встречаем фактически первый в российской науке, оригинальный по композиции, информационно и методически обеспеченный, качественный по своим результатам опыт научного осмысления достаточно широкого спектра проблем современной уголовной политики и уголовного права в части криминализации деяний и дифференциации юридической ответственности за проступки.

Несомненным достоинством рецензируемой работы является то, что автор не стесняет себя узкими рамками традиционного правопонимания, а уходит за границы уголовно-правовых догм, затрудняющих оценку существующих процессов. Квинтэссенцией работы является идея о том, что существование уголовного правонарушения – это объективная данность, и уголовное право остро нуждается в том, чтобы это явление было признано. А если современный категориальный аппарат не может объяснить то или иное объективное явление, он должен быть откорректирован и заменен. К сожалению, усилия, предпринимаемые научным сообществом в направлении уточнения фундаментальных категорий уголовного права, можно признать откровенно недостаточными. Как следствие, ни в теории уголовного права, ни в действующем законодательстве не представлена целостная, завершенная концепция уголовно-правового регулирования отношений, связанных с удержанием лица от совершения преступления, которая была бы вписана в общую канву уголовно-правового воздействия. Между тем, создание такой концепции представляется необходимым и оправданным с точки зрения

определения оснований и границ уголовно-правового воздействия, сбалансированного применения предупредительных и репрессивных правовых средств. Последовательное решение этих проблем призвано одновременно и обеспечить общую гуманизацию уголовно-правовой системы, и реформировать традиционные репрессивные средства правовой защиты.

Как показывает хронология публикаций автора, рецензируемо исследование является итогом многолетних рассуждений и анализа самых различных аспектов и нюансов проблемы. Неслучайно работа демонстрирует глубокое проникновение в тему и исключает поверхностные и непроверенные суждения.

Диссертация основана на солидном информационном фундаменте. Автор проанализировал постановления и определения Конституционного Суда РФ по вопросам равенства граждан перед уголовным законом, уголовно-правового обеспечения презумпции невиновности, актуальные позиции Пленума Верховного Суда РФ, изучил приговоры, определения и постановления по конкретным правоприменительным проблемам установления общественной опасности деяния, признаков малозначительности содеянного, освобождения от уголовной ответственности и реабилитации лиц, вынесенных Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ и кассационными судами общей юрисдикции; провел социологические опросы представителей научного сообщества и правоприменительной практики (107 ученых, 72 судей и работников аппарата суда). Репрезентативная эмпирическая база эффективно дополнена результатами изучения нормативной основы уголовно-правового регулирования и теоретических источников. В работе представлен тщательный анализ действующего законодательства, причем не только с точки зрения его догмы, но также в сравнительном, социологическом аспекте и под углом зрения соответствия международным стандартам. Теоретическую же базу диссертации можно признать образцом преемственности научного знания, умелого сочетания правовых традиций и инноваций. Выводы и предложения автора основываются на глубокой научной проработке трудов известных

отечественных теоретиков и философов права, что придает им дополнительную убедительность и глубину.

Качеством подобранных источников и адекватностью методов их изучения обоснован высокий коэффициент результативности проведенного А.М. Герасимовым исследования и ценность его результатов. Обоснованность и достоверность научных положений, выдвигаемых в диссертации, обеспечены использованием апробированных методов и методик уголовно-правового исследования; соблюдением научных требований и методологических принципов общей теории права и наук криминального цикла. Содержание диссертации не дает оснований усомниться в том, что автор принимал личное участие на всех этапах сбора, обработки первичной научной информации и апробации результатов исследования.

Но особого внимания, вне сомнения, заслуживает научная новизна исследования. Автор предпринимает смелую и совершенно осмысленную попытку дополнить формулу «преступление всегда грозит наказанием» новыми вводными, а именно уголовным проступком как инструментом удержания правоисполнителя от совершения преступления. При этом, как совершенно обоснованно заявляет Герасимов А.М., «квалификация действия или бездействия в качестве уголовного проступка не должна затмевать единого социального предназначения отрасли уголовного законодательства, заключающегося в удержании человека от совершения общественно опасного посягательства» (С. 8).

Автор с присущей ему основательностью обосновывает существование уголовного правонарушения как родового понятия, переосмысливает значение категории общественной опасности сквозь призму соотношения вредоносности правонарушения и опасности преступления, дает авторское определение элементов и признаков состава правонарушения, проводит понятийные границы между институтами уголовного проступка и административной преюдиции.

Рассуждая о научной оригинальности и новаторстве настоящего труда, хотелось бы особо остановиться на одном моменте. Нигде ранее мне не встречалась столь же интересная и обоснованная попытка сближения законодательной и правоприменительной деятельности в части обоснования природы правонарушения. Речь идет о придании уголовному проступку важной функциональной роли. Автор видит в нем не «вещь в себе», а важный инструмент, «работающий» на удержание человека от совершения преступных деяний в рамках персонифицированных уголовно-правовых отношений предупредительного характера (С. 16). Показательно то, что общественная опасность оценивается не умозрительно с оглядкой на абстрактные нормативные предписания, а с позиции правоприменителя (суда), в каждом конкретном случае определяющего, достигло ли совершенное деяние «планки» общественной опасности. Эта весьма спорная на первый взгляд сентенция мастерски раскрыта в работе А.М. Герасимова и может быть рассмотрена как своеобразное признание паритета важности норм и практики уголовно-правового регулирования.

Как говорил А. Герцен, «не истины науки трудны, а расчистка человеческого сознания от всего наследственного хлама, всего осевшего ила, от принятия неестественного за естественное, непонятного за понятное». Это выражение в полной мере применимо к задачам, которые поставил перед собой соискатель. Красной линией в работе проходит мысль о том, что алгоритм установления уголовного проступка не препятствует обнаружению в нем общей природы с преступлением, но само существование такого проступка требует места в категориальной корзине уголовного права, корректировки и новой усадки таких понятий и институтов, как общественная опасность, состав правонарушения и др. Было бы преувеличением сказать, что все поставленные в работе вопросы нашли окончательное разрешение и обогатили науку новыми аксиомами. Скорее напротив, поднятые Герасимовым А.М. проблемы вызвали к жизни и новые вопросы, связанные с судебным усмотрением, объективизацией практики освобождения от уголовной ответственности,

разграничении уголовного проступка и административно наказуемого деяния и др. И в этом, как мне видится, и заключается ценность работы.

В структурном отношении диссертация состоит из введения, двух разделов, четырех глав и тринадцати параграфов, заключения, библиографии и приложений.

В первом разделе «Уголовное правонарушение: отраслевая природа и структурные элементы» автор определяет исходные теоретические посылки исследования: определяет ключевые признаки уголовного правонарушения, переосмысливает основания уголовно-правового запрета; дает развернутый анализ критериев разграничения преступлений и проступков. Соискатель верно заключает, что одной из задач уголовно-правового регулирования является удержание правоисполнителя от совершения преступления. И в этом смысле одним из самых убедительных «механизмов сдерживания» является уголовный проступок. Он резюмирует: «Удержание человека от уголовного проступка, рассматриваемого в качестве субсидиарного вида уголовного правонарушения, социальный результат уголовного законодательства не определяет. Уголовному поступку целесообразно отвести роль одного из инструментов, «работающих» на удержание правоисполнителя от совершения преступления». Важно то, что автор пропускает эту мысль через задачи уголовного права и дает интересную выкладку относительно содержания охранительной и предупредительной функций уголовного закона.

Но особое внимание надо уделить подходу к определению общественной опасности уголовного правонарушения. Рассуждая в привычном русле оценки общественной опасности как вредоносности деяния, соискатель заключает, что этим свойством обладает только преступление. Такая категоричность объясняется тем, что «уголовно-правовая наука не располагает методиками, позволяющими провести четкую грань между категориями общественной опасности и небольшой общественной опасности» (С. 6). Показательно то, что право определить общественную опасность деяния автор оставляет только за

судом, что выглядит не всегда убедительно на фоне широкой практики освобождения от уголовной ответственности.

Обращаясь к системному анализу криминализации деяний, диссертант обнаруживает серьезные методологические недостатки в существующей практике абстрактной оценки общественной опасности деяния исключительно на основе воли законодателя. Криминализация, по мнению диссертанта, возможна тогда, когда регулятивный потенциал права исчерпан, а установка на определенное поведение носит характер модели уголовно-правового поведения. Данный подход, как мне видится, имеет отголоски дискредитировавшего себя абсолюционализма, но это не отрицает оригинальность и новаторство предложений диссертации.

Автор уделяет особое внимание и разграничению преступления и административного правонарушения, выявляет особенности административной преюдиции и определяет критерии разграничения вредоносности различных видов правонарушений.

Вторая глава диссертации посвящена анализу элементов уголовного правонарушения. Допуская методологический плюрализм и многообразие исходных начал исследования, автор обращается к понятию элементов уголовного правонарушения и выделяет в их числе объект, субъект и состав; формулирует авторское определение понятия и параметров уголовно-правовой охраны, конкретизирует признаки субъекта уголовного правоотношения. В качестве такого субъекта он рассматривает лицо, обладающее формальными признаками правоисполнителя, характеристика личности и линия поведения которого дает возможность суду оценить его опасность для общества.

Особого внимания заслуживает второй раздел диссертации. В нем анализу подвергнуты виды уголовного правонарушения. Анализируя конструктивные признаки преступления, автор на их основе формирует крайне содержательные и важные для науки выводы в части свойств и механизма установления преступного посягательства, разрешает проблему соотношения преступления и состава преступления.

Соискатель также формулирует понятие и функциональные особенности уголовного поступка. Под ним он понимает деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления, но признанное судом в силу малозначительности не прибавляющим общественной опасности. Весьма содержательным является параграф, содержащий анализ юридических последствий уголовного проступка. Предупредительный потенциал уголовно-правового воздействия в этом случае состоит в разъяснении лицу социально-правового значения уголовного проступка непосредственно судом, что, на мой взгляд, несколько утопично в современных условиях.

Содержание рецензируемой диссертации последовательно, логично, внутренне непротиворечиво отражает авторский замысел научного анализа. Представленные А.М. Герасимовым результаты создают в своей совокупности оригинальное учение об уголовно-правовом проступке, охватывающее все его сущностные элементы в контексте общих проблем теории уголовного права. Как известно, секрет всякой настоящей научной работы является вопросительный знак. Автор мастерски поставил его, вынеся на обсуждение проблему неготовности современного категориального аппарата принять очевидное – объективное усложнение, градацию уголовно-правовых деяний (административной преюдиции, уголовных проступков и др.).

Соискатель не только вынес этот вопрос на открытое обсуждение, но и предложил весьма оригинальное решение, которое можно с полным основанием оценить в качестве новой, до сегодняшнего дня не отраженной в литературе, авторской концепции уголовного правонарушения.

Высоко оценивая научные достижения автора диссертации и в целом разделяя концепцию и основные результаты исследования, не могу не отметить, что как и любая новаторская работа, диссертация не свободна от некоторых положений, которые вызывают критическую оценку и могут стать основой для научной дискуссии.

1. Обращаясь к анализу уголовного проступка, соискатель замечает, что такому проступку отводится роль инструмента, «работающего» на удержание человека от совершения преступных деяний в рамках персонифицированных уголовно-правовых отношений предупредительного характера. Это смелый и перспективный подход. Понимание поступка не только через призму диаграммы Эйлера «правонарушение = преступление и проступок», но и с позиции динамичной функциональной заданности этого института на удержание лица от совершения преступления, может стать весьма продуктивным и значимым в свете поиска новой модели уголовной политики. Не оспаривая самой этой идеи и не отрицая наличия таких отношений, зададимся вопросом о том, насколько они соответствуют статусу именно уголовных правоотношений? При анализе их содержания автор не рассматривает принципиальный вопрос о том, можно ли считать связь между лицом, совершившим малозначительное деяние, и судом, разъясняющим ему социально-правовое значение уголовного проступка, именно уголовно-правовым отношением. Ведь согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, не является преступлением. А это значит, что возникающие связи сложно признать охранительными уголовно-правовыми отношениями хотя бы на том основании, что отсутствует юридический факт их возникновения – совершение преступления.

Диссертант много ссылается на позиции Конституционного Суда РФ, но при этом не приводит весьма важное правило, сформулированное в Определении Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 459-О. В нем отмечено, что федеральный законодатель, реализуя принадлежащие ему полномочия, правомочен как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств

реагирования на те или иные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения (см. также определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 16 июля 2013 года № 1226-О, от 29 марта 2016 года № 634-О). Из этого положения следует вывод: если законодатель исключил преступный характер деяния в сил его малозначительности, он реализовал свое право на определение юридических последствий деяния и посчитал, что возникшие в результате формально вредоносного поведения отношения не являются уголовно-правовыми, а следовательно, их нельзя соотносить с уголовным правоотношением как часть и целое.

Если даже и признать, что отношения «суд – лицо, совершившее малозначительное деяние» являются уголовно-правовыми, важно определить их содержание, т.е. круг корреспондирующих друг другу прав и обязанностей. Однако последние в этих отношениях далеко не очевидны. Говорить же о том, что при совершении малозначительного деяния у суда возникает обязанность разъяснить лицу социально-правовое значение уголовного проступка в свете современной практики выглядит несколько утопично, равно как и вывод об обязанности лица принять это разъяснение и откорректировать свое поведение в будущем.

Таким образом, интересная идея о превентивном потенциале уголовного поступка, оказалась недостаточно развернутой, и в конечном счете «смятой» фактом включения таких отношений в содержание предмета уголовного права. Хотелось бы, чтобы в процессе публичной защиты автор более летально представил свою позицию, сконцентрировав внимание на юридическом факте и содержании этих правоотношений.

2. При анализе понятия и признаков преступления соискатель приходит к выводу, что «преступлением признается общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее признаки предусмотренного уголовным кодексом состава

преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность» (С. 26).

Мысль об утверждении преступления в качестве такового исключительно на основе решения суда повторяется в работе неоднократно. Однако несмотря на приведенные доводы, эта точка зрения не выглядит убедительно в силу разных обстоятельств. Во-первых, в УК РФ существует ряд конструкций, напрямую указывающих на событие преступления еще до вынесения решения суда. Так, все предписания относительно освобождения от уголовной ответственности (ст. ст. 75 – 78 УК РФ) начинаются с фразы «лицо, совершившее преступление», т.е. содержится констатация факта преступного посягательства, но при этом в отношении виновного выносится постановление об освобождении от ответственности. Во-вторых, есть прямые разъяснения Конституционного Суда РФ в части времени признания деяния преступлением. В частности, в Постановлении от 28 октября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР Конституционный Суд РФ отметил, что решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему лицу основанию, не подменяя собой приговор суда, по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. При выявлении такого рода оснований к прекращению уголовного дела (к их числу относится и акт об амнистии) лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрения дела в судебном порядке (часть вторая статьи 27 УПК Российской Федерации, часть пятая статьи 5 УПК РСФСР). Из чего фактически делается вывод, что для наступления юридических последствий преступления не всегда требуется обвинительный приговор суда. Если лицо не возражает от освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, эти нормы будут к нему применены, а совершение им преступления будет презюмироваться.

3. В свете изложенного несколько спорным выглядит и неоднократно воспроизведенное диссертантом утверждение о том, что общественная опасность деяния и, как следствие, наличие/отсутствие уголовного проступка устанавливается только судом. Рассуждения об определяющей роли суда в этом вопросе приводит автора к спорным суждениям. С одной стороны, он настаивает на том, что уголовный проступок – это деяние, общественная опасность которого *не выявлена судом* (курсив мой – Э.С.). С другой, облакает проступок в форму освобождения от уголовной ответственности, которое, как известно, может быть оформлено не только в виде постановления суда (без постановления обвинительного приговора), но и постановления следователя с согласия руководителя следственного органа и дознавателя с согласия прокурора. С этих позиций неясно, что имел в виду автор, говоря об исключительной прерогативе суда в части освобождения от уголовной ответственности и признания деяния проступком.

4. Неясно и то, почему он рассматривает институт уголовного проступка (т.е. малозначительного деяния) сквозь призму института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 75, 76 УКРФ). Ведь освобождение на основе данных норм возможно только тогда, когда лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести, в то время как малозначительное деяние вовсе не является преступлением.

Этот подход видится малоубедительным и с позиции содержания и структуры уголовных правоотношений, ибо связи, возникающие вследствие совершения лицом малозначительного поступка, не являются по своей природе уголовно-правовыми отношениями.

5. Много вопросов вызывает и утверждение автора о том, что «преступник выступает потенциальным источником нового вреда объекту уголовно-правовой охраны в тот период, когда находится в статусе судимого». Не ставя под сомнение тот факт, что в отношении преступника применяются последствия в виде судимости, тем не менее сложно признать оправданным указание на потенциальную опасность нового вреда. В некоторой степени эта

позиция возвращает нас к антропологическому учению, где акцент правоприменения смещается с законности на целесообразность, с деяния на личность и с наказания на превентивные меры защиты. Говоря о потенциальной опасности виновного, важно остаться за рамками теории опасного состояния личности лица, совершающего уголовный проступок. Как показала история, фатальным недостатком теории опасного состояния личности стали полная неопределенность ее основания, неспособность предложить юридически точные критерии для определения момента применения уголовно-правовой репрессии.

В этой связи возникает и другой важный вопрос: не является ли включение отношений, вызванных к жизни совершением уголовного проступка, выражением желания увидеть уголовно-правовую материю там, где ее нет?

Отмеченные замечания, однако, не влияют на общую положительную оценку работы, цельность и обоснованность представленной в ней концепции. Результаты исследования А.М. Герасимова имеют, вне сомнений, большое значение для развития отечественной науки и правоохранительной практики. Положения диссертации развивают теоретические представления о механизме уголовно-правового регулирования, предмете и методе уголовного права, уголовном правонарушении и проступке. Они с успехом могут быть использованы в законотворческой, правоприменительной, научно-исследовательской и учебной деятельности.

На основании изучения текста рукописи диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно резюмировать:

1. Работа А.М. Герасимова «Теория уголовного правонарушения» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Рецензируемая диссертация в полной мере отвечает требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 26.09.2022);

2. Рецензируемое диссертационное исследование отвечает всем предъявляемым требованиям, а его автор – Герасимов Александр Михайлович – заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
международно-правового факультета федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский
государственный институт Международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел

Российской Федерации»,

доктор юридических наук по научной специальности 12.00.08 (уголовное
право и криминология; уголовно-исполнительное право), доцент

Сидоренко Элина Леонидовна

«01» декабря 2022 г.

Адрес: 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76

Телефон: 8-915-146-20-52 (моб), 8-495-225-31-04 (кафедра)

e-mail: 12011979@list.ru

Сведения об официальном оппоненте:

1. Сидоренко Элина Леонидовна
2. Доктор юридических наук (юридические науки, 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)
3. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет:

1. *Сидоренко Э.Л.* Принцип разумной сдержанности права в контексте правового регулирования цифровых финансовых активов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 99–108.

2. *Сидоренко Э.Л.* Уголовная ответственность за мелкое взяточничество: перспективы практического применения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 3 (94). С. 108–112.

3. *Сидоренко Э.Л.* Наркопреступность в сети «интернет»: современные криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 13–18.

4. *Сидоренко Э.Л.* Мошенничество в сфере страхования: некоторые проблемы квалификации // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 5. С. 146–156.

5. Власов И.С., Голованова Н.А., *Сидоренко Э.Л. и др.* Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. Кашепов В.П. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2018. 280 с.

6. *Сидоренко Э.Л.* Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: современные вызовы// Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 2. С. 147–153.

7. *Сидоренко Э.Л.* Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации // Государственная служба. 2020. Т. 22, № 2 (124). С. 56–63.

8. Шевелева С.В., *Сидоренко Э.Л.* Освобождение от наказания в российском праве. Курск: ЮЗГУ, 2020. 272 с.

9. *Sidorenko E.L., Galstyan I.Sh., Sitnik A.A.* Legal regulation of digital platforms: reference points of modern legislation // Engineering Economics:

Decisions and Solutions from Eurasian Perspective. Ser.: «Lecture Notes in Networks and Systems» Cham. Moscow: Springer Nature, 2021. P. 408–418.

10. *Sidorenko E.L.*, Tsirin A.M. Corruption prevention on electronic trading platforms // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. T. 160 LNNS. P. 320–326.

*В диссертационный совет 24.2.390.03
на базе ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104*

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Герасимова Александра Михайловича «Теория уголовного правоотношения», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тема диссертационного исследования А.М. Герасимова обладает несомненной *актуальностью*. Обоснованию этого критерия в диссертации и автореферате уделено значительное внимание (с. 4-9 – здесь и далее указываются страницы диссертации). Следует согласиться с утверждением автора о том, что к одному из фундаментальных направлений исследований в науке уголовного права относится теория уголовного правонарушения, раскрывающая и обосновывающая диалектическую связь категорий «правонарушение», «преступление» и «уголовный проступок». Своеобразным «катализатором» этому явлению послужила наметившаяся тенденция либерализации уголовного законодательства, обусловленная наличием доктринальных разработок и законодательных инициатив по декриминализации ряда уголовно наказуемых деяний, особенно в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе по смягчению санкций отдельных уголовно-правовых норм, установлению новых оснований освобождения от уголовной ответственности.

Теория уголовного правонарушения содержит ряд проблемных ситуаций, нуждающихся в углубленной и комплексной научной разработке. Так повышенное внимание к изучению оснований освобождения от уголовной ответственности обусловлено проблемами уголовно-правового обеспечения принципов вины и презумпции невиновности. Научный интерес вызывают ситуации, когда оценка общественно опасного деяния по духу и букве закона

не обнаруживает признаков уголовного правонарушения. Таким образом, совокупность приведенных положений определяет безусловную актуальность темы и содержания настоящего диссертационного исследования. Хорошо оттеняет эту актуальность и анализ состояния теоретической разработанности теории уголовного правонарушения (с. 9-11).

Диссертация А.М. Герасимова обладает *научной новизной*. Помимо аргументов, приведенных самим автором (с. 16-17), эта новизна заключается в том, что новыми являются: во-первых, методологические подходы к изучению избранной темы, в частности, учет последних изменений в теории уголовного права, уголовном законодательстве и современной правоприменительной практике; во-вторых, полученные результаты проведенного автором эмпирического исследования; в-третьих, совокупность сформулированных в диссертации основных положений, выносимых на защиту, многие из которых заслуживают внимания и одобрения. Научное содержание этих положений подтверждает наличие авторского вклада в развитие теории уголовного правонарушения.

Так автором разработано теоретическое обоснование модели уголовного правонарушения как более общего понятия по отношению к преступлению и уголовному проступку. Во взаимосвязи этих двух разновидностей уголовного правонарушения их наполнение и содержание оценивается как недостаточное и неравнозначное. В частности, содержание преступления представлено в качестве общественно опасного посягательства, обеспечивающего охранительную функцию уголовного закона. Уголовный же проступок, прежде всего, рассматривается как средство реализации предупредительной функции уголовного закона.

На основе теории уголовного правонарушения, законодатель, а впоследствии - и правоприменитель, вправе рассматривать уголовный проступок не сам по себе, но и как своеобразный измеритель показателей (критериев) общественной опасности в конкретных деяниях, формально содержащих признаки состава уголовного проступка или преступления.

Подобный подход ориентирован на выявление уголовно-правовой ситуации, отражающей диалектическую связь общественно опасного поведения, признаваемого преступлением, и деяния, не обладающего достаточной общественной опасностью, сопряженного с признаком малозначительности, то есть уголовного проступка. Как уже отмечалось, разработанные на основе предлагаемой модели уголовного правонарушения положения отвечают критериям научной новизны. Наиболее значимые из них выносятся на публичную защиту (с. 17-28).

Достаточно высока **теоретическая значимость** диссертационного исследования А.М. Герасимова, поскольку содержащиеся в работе научные положения, выводы и предложения развивают как теорию уголовного права в целом, так и доктрину уголовного правонарушения в частности. Все это способствует более глубокому пониманию социальной и правовой природы, как преступления, так и уголовного проступка, определению их сущностных конструктивных признаков, алгоритмов их установления, выявлению социальных и юридически значимых последствий их совершения. Авторская концепция закладывает материальные основания диалектической связи уголовного правонарушения с уголовно-правовыми институтами уголовной ответственности и освобождения от нее.

Кроме того, диссертация существенно обогащает понятийный потенциал уголовного права, в частности, вводит в научный оборот понятия уголовного правонарушения, его видов и элементов, объективной и субъективной малозначительности, уголовно-правовых деяний, не являющихся уголовными правонарушениями, а также обстоятельств, не допускающих уголовную ответственность. На уровне межотраслевого взаимодействия совокупность содержащихся в диссертации теоретических положений обеспечивает системный подход к методологии разграничения уголовного правонарушения и иных юридически значимых деяний.

Не вызывает сомнения и **практическая значимость** проведенного А.М. Герасимовым исследования. В диссертации сформулирован ряд

обоснованных и своевременных рекомендаций, реализация которых позволит укрепить правопорядок, эффективнее защитить его от криминальных проявлений, в том числе и посредством оптимизации уголовного законодательства. Разработанные автором рекомендации ориентированы на совершенствование уголовного закона в русле современных тенденций уголовно-правовой политики российского государства, в частности, по дифференцированной оценке деяний, общественная опасность которых различна и влечет разные правовые последствия.

Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебно-методических материалов и проведении занятий по уголовному праву в образовательных организациях высшего юридического образования, специальных и смежных дисциплин, предназначенных для подготовки по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, а также для углубленного изучения проблем уголовного права аспирантами, докторантами, соискателями, научными сотрудниками и преподавателями. Сведения об апробации результатов исследования подтверждают его практическую значимость (с. 29-30).

Методологическую основу диссертационного исследования А.М. Герасимова составил всеобщий диалектический метод научного познания, позволивший изучить единую природу и противоположность преступления и уголовного проступка как двух разновидностей уголовного правонарушения. Выбор этой методологии и методики исследования обусловлен его целью и задачами, объектом и предметом, которые описаны автором достаточно полно и правильно (с. 11-13).

Методику исследования составили формально-юридический (догматический) анализ, системный анализ, ситуационный анализ, моделирование, конкретно-социологические методы (анкетирование и экспертные опросы), которые использовались для изучения мнений представителей уголовно-правовой науки и правоприменительной практики

по проблемным вопросам теории уголовного правонарушения, а также для прогнозирования перспектив практической реализации рекомендаций автора.

Примененные методы научного познания позволили автору наиболее полно, всесторонне и объективно раскрыть содержание вопросов, составляющих структуру и содержание диссертационной работы и прийти к научно обоснованным выводам и предложениям, нашедшим отражение в положениях, выносимых на защиту. Анализ и интерпретация результатов обеспечены репрезентативной эмпирической базой (с. 15-16), достаточной для формирования научно обоснованных теоретических выводов, соблюдением методологических принципов и методических требований к проведению монографических диссертационных исследований.

Диссертация А.М. Герасимова имеет логически обоснованную *структуру*, что позволило автору логично и последовательно рассмотреть составляющие элементы исследуемой проблемы. Работа написана хорошим литературным и юридически корректным языком, изложена в хорошем научно-описательном и редакционно-техническом стиле. Благодаря этому, поставленная соискателем цель достигнута, а намеченные задачи успешно решены. Работа состоит из введения, двух разделов, объединяющих четыре главы, включающие, в свою очередь, тринадцать параграфов, заключения, списка использованных источников, приложения.

Во *введении*, как и принято, обоснована актуальность избранной темы, раскрыта степень ее теоретической разработанности, определены цель и задачи, объект и предмет исследования, его методологические, теоретические, правовые и эмпирические основы, аргументирована научная новизна работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, охарактеризованы теоретическая и практическая значимость исследования, приведены сведения об апробации научных результатов, их достоверности и структуре диссертации (с. 4-31).

Раздел I «Уголовное правонарушение: отраслевая природа и структурные элементы» посвящен обоснованию уголовного

правонарушения в качестве родового понятия по отношению к преступлению и уголовному проступку. Раздел содержит две главы, включающие восемь параграфов.

Глава 1 «Уголовное правонарушение и его отраслевая природа» отражает авторские идеи относительно сущности уголовного правонарушения, его обусловленности категорией общественной опасности, основания уголовно-правового запрета, а также критериев разграничения уголовно-наказуемых деяний и административных правонарушений. Глава объединяет четыре параграфа, в которых раскрывается понятие уголовного правонарушения и механизм удержания правоисполнителя от его совершения; характеризуется общественная опасность и ее отражение в природе деяний, предусмотренных уголовным правом; анализируется основание уголовно-правового запрета и его соотношение с общественной опасностью деяния; обосновываются методологические основания разграничения уголовного и административного правонарушений (с. 32-148).

Глава 2 «Элементы уголовного правонарушения» ориентирована на выявление конструктивных элементов уголовного правонарушения и раскрытие их сущностных признаков. Глава охватывает четыре параграфа, в которых последовательно и логично рассматриваются понятие элементов уголовного правонарушения и их виды; сущность и параметры объекта уголовно-правовой охраны; субъект уголовного правонарушения и состав уголовного правонарушения (с. 149-226).

Раздел II «Виды уголовных правонарушений» конкретизирует авторские идеи о природе, сущностных признаках и последствиях совершения преступления и уголовного проступка. В структуру раздела включены две главы, объединяющие пять параграфов.

В главе 1 «Преступление: социально-правовая природа, сущностные признаки и категории» рассматриваются социально-правовая природа преступления и ее отражение в содержании уголовного законодательства;

понятие преступления в контексте теоретической модели оптимизации; категории преступлений и их установление (с. 227-293).

Глава 2 «Уголовный проступок и его юридические последствия» акцентирует авторские идеи относительно сущности уголовного проступка, его роли в обеспечении уголовно-правовых задач, механизма установления и юридических последствий совершения. Эта включает два параграфа, в которых обосновывается понятие уголовного проступка и механизм его установления, анализируются юридические последствия уголовного проступка (с. 294-352).

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные выводы, а также обозначаются перспективы дальнейшей разработки темы диссертации (с. 353-372).

В **приложениях** приводятся результаты экспертного опроса представителей научного сообщества, а также судей и работников аппарата судов по вопросам состояния и перспектив уголовного правонарушения и уголовного проступка (с. 417-428).

Аннотация диссертации отражает основное содержание работы, которая соответствует паспорту научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Аннотация и опубликованные работы в полной мере отражают научную новизну, основные выводы и содержание работы. В частности, положения диссертации нашли отражение в 44 научных публикациях, среди которых: две монографии (2020 и 2022 гг) и 42 статьи, в том числе 19 статей - в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ; 2 статьи – в изданиях, индексируемых в международной базе данных Scopus; 21 статья – в сборниках материалов конференций и иных изданиях. Кроме того, результаты диссертационного исследования были представлены соискателем на 12 международных и всероссийских научно-практических конференциях (Москва, Барнаул, Саратов, Чебоксары) – (с. 29-30).

Положительно оценивая проведенное А.М. Герасимовым исследование, отмечу, что отдельные положения диссертационной работы, прежде всего, из числа выносимых на защиту, вызывают **критические замечания**, обусловленные сложностью и дискуссионностью рассматриваемых проблем, и могут быть основанием для дискуссии.

Первое замечание касается формулирования цели и задач исследования (с. 11-13). Поскольку целью диссертационной работы определено построение теоретической модели уголовного правонарушения, то вполне обоснованно возникает вопрос о том, в какой форме это предполагалось сделать и выполнено фактически (отдельных положений, выносимых на защиту, либо самостоятельной авторской концепции)? Реализующие эту цель задачи исследования широки по объему и интересны по содержанию, но они не сопряжены, как принято, с оглавлением и содержанием диссертации, поэтому трудно судить о степени их реализации. Полагаю, автор может дополнительно разъяснить эти вопросы на защите.

Во-вторых, в рубрике «Методология и методика исследования» (с. 13-14) автор указывает, что основу методологии диссертации образует диалектический метод, и с этим следует согласиться. Но далее он утверждает, что в ходе исследования, наряду с этим универсальным методом научного познания, в качестве частнонаучных методов использовались догматический (формально-юридический) анализ, дискурс-анализ, моделирование, ситуационный анализ (case study), конкретные социологические методы (анкетирование и опросы). Думается, этот перечень может быть расширен за счет фактического применения таких методов как системный анализ, сравнительный, формально-логический. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: разве перечисленные методы тоже составляют методологическую основу диссертации? Если так, то, думается, автор здесь неточен, поскольку методология и методика – различные по содержанию понятия. Методология представляет собой теорию научного познания действительности и характеризует подходы (диалектический,

метафизический, синергетический) к изучению теории уголовного права, уголовного законодательства и практики его применения. А совокупность использованных методов составляет методику исследования. Хотелось услышать на защите уточненную позицию автора по данному вопросу.

В-третьих, вряд ли удачным, с позиций формы (полноты) и содержания (сущности), является выносимое на защиту положение 1 о том, что «Уголовное правонарушение – это совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом, исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголовный проступок)» (с. 17). Как мне представляется, в основу этого определения положены формальные разнопорядковые критерии (для преступления – установление общественной опасности деяния, формально содержащего признаки состава преступления; для уголовного проступка – невыявление общественной опасности, исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного). Думается, за основу было бы правильнее принять общетеоретическое определение понятия правонарушения, включающее указание на противоправность деяния, причинение вреда (поскольку именно это, прежде всего, и определяет общественную опасность, что признает автор в положении 4, выносимом на защиту), наличие виновного лица, его правосубъектность. Полагаю, эта ситуация требует уточнения и дополнительной аргументации на защите.

В-четвертых, довольно громоздкой и не вполне понятной выглядит формулировка (и содержание) положения 3, выносимого на защиту, согласно которому: «Отраслевая специфика и одновременно самостоятельность преступления и уголовного проступка как двух разновидностей уголовного правонарушения обусловлены пониманием социальной результативности уголовного законодательства, обеспечиваемой *уголовно-правовым методом*. *Метод уголовного права* (выделено мной – ВЦ) предполагает формирование на уровне сознания и воли человека неприемлемости удовлетворения своих

интересов посредством совершения преступления, стимулируемое угрозой наказания и иными уголовно-правовыми инструментами» (с. 17). В этой связи хотелось бы уточнить, речь здесь идет об одном и том же методе, либо о разных (тогда в чем состоит их сущность и различие)?

Далее утверждается, что «... в связке двух разновидностей уголовного правонарушения отраслевое содержание преступления и уголовного проступка становится неравнозначным. Понятие преступления охватывает группу общественно опасных деяний, ради *предотвращения* (выделено мной – ВЦ) которых сформирована и реализуется вся отрасль уголовного законодательства. Уголовный проступок на природообразующее отраслевое значение для уголовного закона претендовать не может. Удержание человека от уголовного проступка, рассматриваемого в качестве субсидиарного вида уголовного правонарушения, социальный результат уголовного законодательства не определяет. Уголовному проступку целесообразно отвести роль одного из инструментов, «работающих» на *удержание* (выделено мной – ВЦ) правоисполнителя от совершения преступления.» По поводу сказанного возникает вопрос, идет ли как в первом (применительно к преступлению), так и во втором (применительно к уголовному проступку) случаях речь о *предупреждении* этих правонарушений, либо упомянутые «предотвращение» и «удержание» принципиально разные понятия (термины)?

Пятое. На мой взгляд, требует разъяснения и дополнительной аргументации и выносимое на защиту положение 6, которое гласит: «Источником и носителем угрозы для материального порядка выступает человек (выделено мной – ВЦ), нарушивший уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. Юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда...» (с. 19). По поводу приведенного тезиса возникает как минимум три вопроса: 1) Как сочетается утверждение о том, что источником и носителем угрозы для материального порядка выступает

человек, с общепризнанным и законодательно подтвержденным положением о том, что общественную опасность (в силу вредоносности) представляет деяние (акт поведения) человека? 2) Если юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, то будет ли обладать общественной опасностью совершенное, но латентное или нераскрытое преступление, либо преступление, обвинительный приговор в отношении которого еще не вынесен или не вступил в законную силу? 3) Как быть с устоявшимся доктринальным положением о том, что юридическим фактом для возникновения любого правоотношения, в том числе и уголовно-правового, является совершение юридически значимого действия (бездействия), в уголовном праве - деяния, обладающего общественной опасностью?

Вместе с тем, высказанные замечания носят преимущественно частный и дискуссионный характер, и не снижают общей положительной оценки содержания и качества диссертационного исследования А.М. Герасимова. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно сделать **вывод** о том, что диссертация является оригинальной творческой научной работой, обладающей необходимыми признаками актуальности, значительной теоретической новизны и существенной практической значимости, характеризуется высоким уровнем и корректной формой научного анализа, надлежащей степенью обоснованности и достоверности основных результатов и выводов.

В целом диссертация, подготовленная А.М. Герасимовым, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Диссертационная работа написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит решение научной задачи, имеющей большое значение для развития науки уголовного права, и свидетельствует о личном вкладе автора в науку.

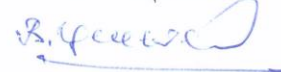
Предложенные автором решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Таким образом, диссертация А.М. Герасимова соответствует требованиям п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. 26.05.2020 г.), а ее автор – Герасимов Александр Михайлович - заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук (специальность 12.00.08 -
уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право),
профессор кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Тел. 8-916-315-2799, e-mail: v_tsepelev@rambler.ru

В.Ф. Цепелев

05 декабря 2022 года

Почтовый адрес места работы: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9. ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». E-mail: msal@msal.ru; <https://msal.ru/> (кафедра уголовного права: e-mail: ugolovnoepravomgua@yandex.ru Тел.: +7(499)244-88-74, +7(499)244-88-88 (доб. 835).

Сведения об официальном оппоненте:

1. Цепелев Валерий Филиппович
2. Доктор юридических наук (юридические науки, 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)
3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор кафедры уголовного права
4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет:

1. *Tsepelev V.F., Drozdova E.A.* Issues of criminal protection of entrepreneurial (business) activity (Вопросы уголовной защиты экономической (предпринимательской) деятельности) // *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21, No S1. P. 563–569.

2. *Цепелев В.Ф.* Преступность как объект уголовной политики // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 3 (47). С. 129–132.

3. *Цепелев В.Ф.* Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 12 (52). С. 18–22.

4. *Цепелев В.Ф.* Современное состояние российского уголовного законодательства и его влияние на разработку и реализацию уголовной политики // *Российский следователь*. 2019. № 7. С. 43–46.

5. *Цепелев В.Ф.* Уголовно-правовой статус сотрудника органа внутренних дел // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2019 г.)*. М.: Проспект, 2019. С. 499–503.

6. *Цепелев В.Ф.* Подходы к определению эффективности уголовно-правового противодействия преступности // *Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: матер. XII Российского конгресса уголовного права (28–29 мая 2020 г.)*. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 306–309.

7. *Цепелев В.Ф.* Коррупционные преступления: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. 96 с.

8. *Цепелев В.Ф., Козлова А.В.* Основные направления взаимодействия норм конституции Российской Федерации и норм уголовного закона в правоприменительной деятельности // *Новеллы конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: сб. тезис. конф. (24–27 ноября 2020 г.)*. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 132–136.

9. *Цепелев В.Ф., Цепелев К.В.* Проблемные вопросы совершенствования законодательной регламентации статьи 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. (20–21 января 2022 г.). М.: Блок-Принт, 2022. С. 720–724.

10. *Цепелев В.Ф.* Перспективы адекватного уголовно-правового реагирования на новые виды преступлений, совершаемых с использованием электронных информационно-телекоммуникационных и иных цифровых технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XVIII междунар. науч.-практ. конф. (21–22 января 2022 г.). М.: РГ-Пресс, 2022. С. 103–106.